

[DOI: 10.35549/HR.2026.2026.57.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.57.003)

Оригинальная статья / Original paper

Д.И. Гоц

*Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: idgots@gmail.com*

Отношения России и Венеции в конце XVIII в.: имперские амбиции и политические реалии

Аннотация

Статья посвящена изучению истории отношений Российской империи и Венецианской республики в 1780-х гг. Материалы Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и опубликованные депешы венецианского посланника в Петербурге Фериго Фоскари являются источниковой базой исследования. В 1783 г. два государства впервые провели взаимную аккредитацию посланников. В Коллегии иностранных дел полагали, что установление постоянных дипломатических контактов будет способствовать формированию военно-политического союза. Победа Петербурга в Русско-турецкой войне (1768–1774) открывала перспективы для решения стратегических задач, связанных с развитием черноморской торговли и расширением российского влияния в средиземноморском регионе. Альянс с Венецией мог положительно повлиять на реализацию данных проектов. Анализ сложившихся условий позволяет сформулировать цель работы: сравнить ожидания властей Российской империи с политическими реалиями Европы. Для ее достижения были исследованы международная обстановка, стратегии взаимодействия Петербурга с Венецией, рассмотрены этапы формирования личности графа Семена Романовича Воронцова (посланника России в Венеции), его роль в развитии двусторонних отношений и те проблемы, с которыми столкнулся дипломат во время службы. С.Р. Воронцов добивался

от венецианских властей установления церемониала, соответствующего приему посланников второго ранга. Дипломат настаивал на корректном употреблении титула монарха в официальной переписке, подчеркивая важность этого требования для двусторонних отношений. Посланник защищал интересы греков — граждан республики, которые стремились к укреплению российских позиций в Венеции. Также граф Воронцов сосредотачивал усилия на установлении союзнических отношений с республикой. В заключении автор приходит к выводу, что сформулированные имперским правительством задачи были труднореализуемыми.

Ключевые слова:

Венеция; российско-венецианские отношения; С.Р. Воронцов; Ф. Фоскари; Средиземное море; внешняя политика России в XVIII в.

Для цитирования:

Гоц Д.И. Отношения России и Венеции в конце XVIII в.: имперские амбиции и политические реалии // Исторический вестник. 2026. Т. 57. С. 70–97. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.57.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.57.003)

Dmitry I. Gots

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
E-mail: idgots@gmail.com*

Russia-Venice Relations in the Late 18th Century: Imperial Ambitions and Political Realities

Abstract

The article is devoted to the study of the history of relations between the Russian Empire and the Venetian Republic in the 1780s. The research

is based on materials from the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (АВПИ) and dispatches of the Venetian envoy in St. Petersburg, Ferigo Foscari. In 1783, the two states conducted a mutual accreditation of envoys for the first time. The Collegium of Foreign Affairs believed that establishing permanent diplomatic contacts would contribute to the formation of a military-political alliance. St. Petersburg's victory in the Russo-Turkish War (1768–1774) opened prospects for solving strategic tasks related to the development of Black Sea trade and the expansion of Russian influence in the Mediterranean. An alliance with Venice could positively affect the implementation of these projects. An analysis of the prevailing conditions makes it possible to formulate the aim of the study: comparing the expectations of the authorities of the Russian Empire with the political realities of Europe. To achieve this, the international situation is examined, the strategies of interaction between St. Petersburg and Venice analyzed, and the stages of the formation of the personality of Count Semyon Romanovich Vorontsov (the Russian envoy to Venice), his role in the development of bilateral relations, and the problems he faced during his service are considered. S.R. Vorontsov sought from the Venetian authorities the establishment of a ceremonial protocol appropriate for the reception of envoys of the second rank. The diplomat insisted on the correct use of the monarch's title in official correspondence, emphasizing the importance of this requirement for bilateral relations. The envoy defended the interests of Greeks – citizens of the Republic – who sought to strengthen Russian positions in Venice. Count Vorontsov also focused his efforts on establishing an alliance with the Republic. In conclusion, the author comes to the conclusion that the tasks formulated by the imperial government were difficult to realize.

Keywords:

Venice; Russian-Venetian relations; S.R. Vorontsov; F. Foscari; Mediterranean Sea; Russian foreign policy in the XVIII century

For citation:

Dmitry I. Gots. Russia-Venice Relations in the Late 18th Century: Imperial Ambitions and Political Realities // *The Historical Reporter.* 2026. Vol. 57. P. 70–97. [DOI: 10.35549/HR.2026.2026.57.003](https://doi.org/10.35549/HR.2026.2026.57.003)

русско-венецианские дипломатические и торговые отношения имеют многовековую историю. Республика еще в XVI–XVII вв. пыталась склонить Русское государство к участию в борьбе с османами¹. Одним из направлений венецианской политики являлось целенаправленное сближение православной греческой общины города с «Московией»². Конфессиональные связи способствовали нахождению союзников и выразителей политических интересов Московской Руси на Западе среди эллинов.

В 1680–1720-х гг. усиливалось и расширялось влияние Русского государства (позднее Российской империи) на конфигурацию военно-политического баланса сил в Европе. Данные изменения трансформировали характер дипломатических отношений и принципов взаимодействия с Венецией. В XVIII в. уже власти формирующейся империи выступали в качестве инициаторов образования антитурецкой коалиции, привлекая как греческое население, так и аристократию республики³. Венецианская политическая элита, опасаясь потери государственного суверенитета вследствие ослабления военного потенциала, придерживалась принципов нейтралитета в отношениях с более влиятельными державами⁴. Петр I в 1710-х гг. стремился интенсифицировать контакты и связи с республикой, направляя туда своих представителей⁵. Первый российский император не только обозначил задачу — достигнуть Средиземного моря, но и наметил стратегии международного взаимодействия в данном регионе. Екатерина II, следуя курсу предшественника, добивалась усиления влияния империи в Черном море и Леванте⁶.

Победа в войне с Турцией (1768–1774) создала предпосылки для расширения стратегического присутствия Российской империи в Средиземном

¹ Матасова Т.А. Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 2. С. 67–68.

² Longworth P. Russian-Venetian Relations in the Reign of Tsar Aleksey Mikhailovich // The Slavonic and East European Review. 1986. Vol. 64. № 3. P. 398.

³ Уляницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. Ч. 1. М., 1899. С. 23.

⁴ Лейн Ф. Золотой век Венецианской республики / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2017. С. 555; Канделоро Д. История современной Италии. История Рисорджименто / Пер. с итал. Т.С. Золочевской и др. М., 1958. С. 86; Panciera W. La Repubblica di Venezia nel Settecento. Roma, 2014. P. 42–47.

⁵ Ястребов А.О. Венецианское направление внешней политики Петра I и Прутский поход // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 178–179.

⁶ Гребеницкова Г.А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. // От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI — начало XX века. СПб., 2015. С. 145.

Венеция. Дворец Дожей и Моло. Худ. Франческо Гварди, ок. 1770 г.
Из открытых источников

море. В Петербурге Венецианская республика оценивалась как перспективный союзник в контексте реализации долгосрочной внешней политики в регионе. Анализ исторических условий второй половины XVIII в. позволяет сформулировать цель исследования: соотнести дипломатические инициативы империи по формированию российско-венецианского альянса с воззрениями правящей элиты Венеции и внешнеполитическими интересами ведущих европейских держав в 1780-х гг. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: изучить политические приоритеты ведущих государств; проанализировать основные цели и принципы взаимодействия Российской империи с республикой; рассмотреть этапы формирования личности графа Семена Романовича Воронцова (посланника России в Венеции) и проследить его роль в развитии двусторонних отношений; исследовать проблемные аспекты дипломатической деятельности С.Р. Воронцова.

Исследовательская работа проведена по материалам Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Инструкция и послания для графа С.Р. Воронцова, составленные в Коллегии иностранных дел, и его ответные депеши формируют источниковую базу исследования. Отношение венецианской стороны к политике Петербурга анализируется с помощью донесений Ферриго Фоскари⁷ — посланника республики

⁷ В словаре венецианского диалекта, подготовленном Дж. Боэрио, отмечается, что итальянскому имени Федерико в венецианском варианте соответствует форма Ферриго. Данный вариант имени употребляется и в издании донесений Ферриго Фоскари, опубликованном Дж. Дория (*Boerio G. Dizionario del dialetto veneziano. Venezia, 1867. P. 265*).

Семен Романович Воронцов. Худ. Томас Лоуренс.
Из открытых источников

в российской столице в период с 1783 по 1790 г. Депеши венецианского дипломата были опубликованы итальянским исследователем Дж. Дориа на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Венеции (Archivio di Stato di Venezia)⁸.

В историографии отмечается, что венецианская правящая элита стремилась к сдерживанию интенсивной внешнеполитической деятельности Российской империи. Правительство республики отклоняло предложения о формировании военно-политического союза⁹. Итальянский историк Дж. Табакко дает иную оценку русско-венецианским отношениям. Исследователь указывает, что не все нобили, заседавшие в Сенате, являлись противниками сближения с Петербургом. Он акцентирует внимание на существовании в совещательном органе «греческой партии» — знатных политиков, выступавших за укрепление контактов с Россией¹⁰. Данная группа аристократов выражала несогласие с курсом Андреа Трона (фактического руководителя дипломатии Венеции), направленным на сближение с монархией Габсбургов. Если А. Трон с помощью поддержания тесных связей с Веной хотел сохранить статус-кво

⁸ Dispacchi da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790 / Ed. G. Doria. Venezia, 1993. P. XVII.

⁹ Preto P. Venezia e i Turchi. Roma, 2013. P. 224–225; La Repubblica di Venezia nell'età moderna. Dal 1517 alla fine della Repubblica / Ed. G. Cozzi, M. Knapton. Torino, 1992. P. 582–584.

¹⁰ Tabacco G. Andrea Tron e la crisi dell'aristocrazia senatoria a Venezia. Verona, 1980. P. 107–109.

и политику нейтралитета республики, то его оппоненты настаивали на возрождении утраченного военного и политического могущества Венеции¹¹. Они полагали, что Российская империя способна содействовать восстановлению позиций Венецианской республики в регионе. Современный итальянский исследователь Дж. Беллинери отмечает, что в венецианском обществе бытовали идеи о возобновлении мореплавания в Черном и Азовском морях. Сторонники данных взглядов полагались на культурный и технический опыт, накопленный в республике. Однако Венеция сохраняла политический нейтралитет и не была готова заключить оборонительный союз с Российской империей против Порты, одновременно воздерживаясь от торговли в Черном море¹².

В Коллегии иностранных дел позитивно оценивали потенциал взаимодействия с Венецианской республикой для расширения влияния Российской империи. Инструкция от 1783 г., составленная для полномочного министра в Венеции¹³, графа Семена Романовича Воронцова, является ключевым источником для понимания российско-венецианских отношений и международной обстановки в 1760–1780-х гг. В документе отмечалось, что русский двор назначил в 1768 г. маркиза Пано Маруцци поверенным в делах при республике в рамках подготовки Архипелагской экспедиции¹⁴. Граф Иван Андреевич Остерман, формальный руководитель Коллегии иностранных дел, автор инструкции, указывал, что робость венецианцев перед турками и, вероятно, намерение услужить недругам России усложнили деятельность Маруцци и воспрепятствовали установлению прочных дипломатических контактов¹⁵.

Победа Российской империи в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. повлекла за собой изменения в балансе сил в Старом Свете. Россия существенно упрочила свой авторитет среди великих держав. Импе-

¹¹ Ibid. P. 107–109, 113–115.

¹² Bellingeri G. Scorcì veneziani sulla regione del Mar Nero (secoli XV–XIX) // *La Crimea tra Russia, Italia e Impero ottomano* / Ed. A. Ferrari, E. Pupulin. Venezia, 2017. P. 111.

¹³ Министр-вельможа, избранный и уполномоченный государем для исправления государственных дел (Словарь Академии российской. Часть IV. СПб., 1793. С. 139). Общим термином для русского диппредставителя за границей в XVIII в., в петровское время и на протяжении всего XVIII в. был «министр», какого бы ранга он ни был (История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С. 247).

¹⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 8; Велижев М.Б. Итальянские государства и Россия в годы русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: дипломатия и политика // *Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой* / Под общ. ред. Е.Б. Смилянкой. М., 2011. С. 239.

¹⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 8.

Иван Андреевич Остерман. Худ. Пер Крафт Старший.
Из открытых источников

рия обрела доступ к Черному морю, сформировав условия для развития политико-экономических проектов в Средиземном море. Историк Г.А. Гребенщикова отмечает, что «Петербургская система международных отношений» стала общепризнанным фактором европейской политики¹⁶. В инструкции графу С.Р. Воронцову излагалась официальная позиция, объясняющая причины присоединения Крымского полуострова в 1783 г.¹⁷ Интеграция данных территорий ожидаемо стала предметом озабоченности великих держав. Усиление России в черноморском регионе обусловило конфликт ее внешнеполитических интересов с устремлениями Великобритании и Франции, боровшихся за контроль над стратегически важным перекрестком евразийской коммуникации¹⁸.

Великобритания, стремясь к единоличному господству в Средиземном море, поддерживала с 1760-х гг. экспансионистские устремления России для ослабления влияния Парижа в Леванте¹⁹. Однако в условиях войны в североамериканских колониях отношения двух держав обост-

¹⁶ Гребенщикова Г.А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. С. 148.

¹⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 19.

¹⁸ Смилянская Е.Б. Заключение // Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М., 2011. С. 477.

¹⁹ История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 1998. С. 115.

рились. Британские военно-морские силы насильственно задерживали российские корабли в Средиземном море и Атлантике²⁰. В ответ Екатерина II выпустила манифест о «Вооруженном морском нейтралитете»²¹ и отказала в помощи Лондону в период боевых действий²². Власти Великобритании, сосредоточив усилия на урегулировании противоречий в Новом Свете, позволили Российской империи реализовать внешне-политические проекты в средиземноморском регионе.

Взаимосвязи России и Франции в начале 1780-х гг. характеризовались в инструкции С.Р. Воронцова как исключительно доброжелательные. Тем не менее графу давали совет «на всякий случай наблюдать недреманным оком все подвиги и негоции французского кабинета»²³. В правительственных кругах помнили о враждебных инициативах и действиях, предпринимавшихся Людовиком XV: в 1760-х гг. он спонсировал шведский парламент, надеясь инициировать войну России с северным соседом. Франция обнаружила в Турции благоприятные условия для распространения антироссийских настроений и развязывания боевых действий²⁴.

Приход к власти Людовика XVI в 1774 г. открывал новые перспективы в русско-французских отношениях. Французская буржуазия была заинтересована в установлении торговых связей с Российской империей через черноморские порты. Разногласия обеих держав с Лондоном являлись предпосылкой для сближения и укрепления взаимных контактов. Екатерина II стремилась дистанцироваться от противостояния в Северной Америке. Французская политическая элита стремилась к расширению заморских владений, противодействуя гегемонии Великобритании²⁵. Активная поддержка освободительного движения в североамериканских колониях способствовала реализации стратегических задач Парижа.

²⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 22–23.

²¹ Вооруженный нейтралитет — сотрудничество России, Дании и Швеции, а также ряда др. гос-в, сложившееся в 1779–83 (в связи с войной североамериканских колоний за независимость) и в 1800–01 в целях охраны торгового мореплавания нейтральных стран (Дипломатический словарь / Гл. ред. А.А. Громько и др. М., 1985. Т. 1. С. 217).

²² Гребенщикова Г.А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. С. 166.

²³ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 17.

²⁴ Гребенщикова Г.А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в. С. 157–159.

²⁵ Черкасов П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792. М., 2004. С. 78–79, 82, 84, 89, 91, 92, 270, 271.

В инструкции С.Р. Воронцова подчеркивалось, что участие Российской империи в подготовке Тешенского мира (1779) способствовало укреплению дипломатических и политических связей с немецкими государствами²⁶. Г.А. Гребенщикова отмечает, что Екатерина II помогла королю Фридриху II Прусскому не допустить чрезмерного усиления Австрии²⁷. Вице-канцлер И.А. Остерман указывал, что Россия продолжала поддерживать с Пруссией оборонительный союз и тесную дружбу²⁸. Таким образом, сохранение мирных отношений на западе позволяло Петербургу сосредоточить внимание и силы на южном направлении.

В 1760–1770-х гг. Австрийская монархия опасалась усиления России в Речи Посполитой²⁹. Габсбурги вместе с Людовиком XV поддерживали Саксонскую династию³⁰. Для ослабления позиций Петербурга на западном направлении Вена способствовала разжиганию русско-турецкой войны. М.А. Петрова полагает, что русско-турецкий мир 1774 г. заставил политическую элиту Австрийской монархии признать неотвратимость русского продвижения в причерноморский и балканский регионы. Угроза прямого военного столкновения вынудила Вену стремиться к сближению с Россией³¹.

В 1780 г. в Могилеве австрийский монарх Иосиф II и Екатерина II встретились, договорившись о взаимодействии в рамках далеко идущих планов. Российская императрица стремилась реализовать «Греческий проект», связанный с разделением Порты и основанием королевства Дакия и Греческой империи во главе со своим внуком — великим князем Константином Павловичем³². П.В. Стегний ссылается на мнение А.А. Безбородко, фактического руководителя Коллегии иностранных дел, что и Австрия должна была получить выход к Адриатике. Однако А.А. Безбородко исключал из этих экспансионистских планов венецианские владения в Истрии и Далмации³³.

²⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 16.

²⁷ Гребенщикова Г.А. Россия на Тешенском конгрессе 1778–1779 годов // Россия на международных форумах и конгрессах XVII — начало XX века / Отв. ред. А.В. Виноградов. М., 2021. С. 209, 221.

²⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 14.

²⁹ История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). С. 116.

³⁰ Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2013. С. 534.

³¹ Петрова М.А. Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790. М., 2011. С. 99.

³² Стегний П.В. Еще раз о греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 112–118.

³³ Там же.

Александр Андреевич Безбородко. Худ. Иоганн-Баттиста Лампи Старший.
Из открытых источников

Возникает вопрос: почему российские политики так беспокоились о сохранении территорий республики на Балканах? Ответ на него находится в инструкции С.Р. Воронцова: «<...> чтоб сделать республику надежной приятельницею Российской империи, дабы во всякое время, особливо ж на случай новой с турками войны, иметь на берегах и островах ее верное и безопасное пристанище нашим военным эскадрам и судам»³⁴. В Коллегии также подчеркивали, что присоединение Венеции к договору о «Вооруженном морском нейтралитете» может обеспечить защиту ее морской навигации и международной торговли³⁵. Подчеркивание данных принципов в инструкции указывало на курс Петербурга на включение республики в сферу собственного влияния и ее ограждение от внешнего давления со стороны других стран. Россия, не допуская Австрию и иные державы в Венецию, желала воспользоваться ее прибрежными территориями для решения своих геополитических задач. Политическая элита республики должна была рассматривать в качестве приоритетного партнера именно Петербург, ограничивая влияние прочих государств.

В инструкции отмечалось, что Россия не угрожает Венеции — напротив, республика, окруженная сильными державами, не может им противостоять и вынуждена терпеть обиды. Однако теперь, благодаря мудрости и силе императрицы, у Венеции появился шанс изменить

³⁴ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 8.

³⁵ Там же. Л. 23–24.

Великий князь Павел Петрович. Худ. Ф.С. Рокотов.
Из открытых источников

свою судьбу. Заключение союза с Россией не только избавит Венецию от угроз, но и укрепит ее международное положение³⁶.

Нобилитет Венеции, опасаясь потери независимости, избирал внешнеполитическую стратегию нейтралитета. Республика принципиально не присоединялась к союзам во время войн за Польское (1733–1735) и Австрийское (1740–1748) наследства. Несколько месяцев войны могли бы ввергнуть Венецию в состояние полной нищеты и хаоса³⁷. Россия же хотела вовлечь республику в большую политическую игру, чтобы ослабить своих конкурентов.

Поездка великого князя Павла Петровича в Италию «стала счастливым началом новых уз», по выражению венецианского посланника в Петербурге Фериго Фоскари³⁸. Итальянский историк Д. Берти отмечал, что визит столь знатной особы делал неудобным отказ со стороны Венеции от направления дипломатов. Несмотря на все сомнения, в 1782 г. республика назначила своего представителя в Россию³⁹. В инструкции С.Р. Воронцова указывалось, что Ф.Фоскари будет принят «по этикету в равенстве с чрезвычайным посланником и полномочным министром

³⁶ Там же. Л. 10.

³⁷ *Panciera W.* La Repubblica di Venezia nel Settecento. P. 47.

³⁸ *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790* / Ed. G. Doria. Venezia, 1993. P. 9–10.

³⁹ *Берти Д.* Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959. С. 81, 82.

«Начало грандиозного праздника 24 января 1782 г. в честь визита графа и графини Северных на площади Сан-Марко в Венеции». Европейская гравюра.

Из открытых источников

Голландии»⁴⁰. Пост дипломата в соответствии с протоколом Российской империи относился ко второму классу.

Коллегия иностранных дел в 1783 г. назначила полномочным министром в Венецию Семена Романовича Воронцова⁴¹. В деле о назначении графа отмечается следующий состав миссии: «<...> при поверенном в делах титулярный советник, актуариус, еще определить советника посольства с жалованием по штату <...>. Поверенному в делах остаться там по-прежнему в зависимости сего нашего министра для пособия ему по службе нашей»⁴².

Семен Романович Воронцов (1744–1832) происходил из известного аристократического рода. Отец графа Роман Илларионович в начале 1760-х гг. был членом Сената и удостоился звания генерал-аншефа⁴³. Дочь Романа Илларионовича, Елизавета, была любимой фавориткой императора Петра III⁴⁴. Дядя Семена Романовича, Михаил Илларио-

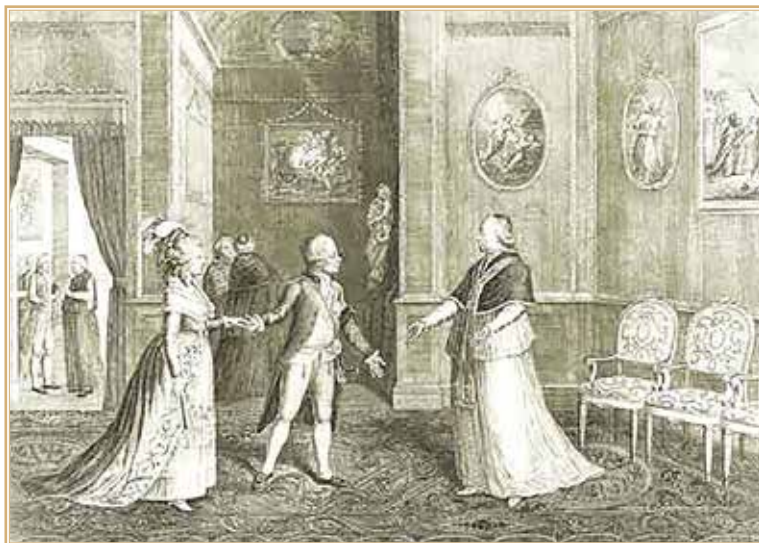
⁴⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 5.

⁴¹ *Пряшников М.П.* С.Р. Воронцов в Венеции: начало дипломатической карьеры // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Вып. 15. Петушки, 2012. С. 125.

⁴² АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 109. Л. 1.

⁴³ *Захарова О.Ю.* Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. М., 2013. С. 11.

⁴⁴ *Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И.* Семен Романович Воронцов. Биография. СПб., 2020. С. 35.

Прием папой римским Пием VI графа и графини Северных 8 февраля 1782 г.
Офорт А. Лацарони.

Государственный музей-заповедник «Павловск»

нович, занимал пост канцлера Российской империи, оказывая влияние на формирование внешней политики государства⁴⁵. Т.М. Фадеева отмечает, что Михаил Илларионович, путешествуя по Европе в 1740-х гг. и стремясь к развитию торговых связей между Россией и Венецией, установил контакты с банкирским домом Маруцци. Покровительство империи роду Маруцци позволило найти надежных агентов и представителей в Италии⁴⁶.

Михаил Илларионович принимал непосредственное участие в становлении личности и воспитании С.Р. Воронцова, составил план обучения для племянника и привил ему стремление к самообразованию⁴⁷. Родственные связи способствовали быстрому продвижению Семена Романовича по службе — от камер-пажа до поручика лейб-гвардии. Молодой граф, несмотря на успехи, не любил придворную службу и думал о военной карьере⁴⁸. В 1762 г., когда Петр III готовился к конфликту

⁴⁵ Анисимов М.Ю. Российская дипломатия и Семилетняя война. М., 2020. С. 6.

⁴⁶ Фадеева Т.М. Греческий проект в лицах: маркиз П. Маруцци, княжна З. Гика, братья А.Г. и Ф.Г. Орловы в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Е.Р. Дашкова в кругу современников: исторические личности и эпоха / Ред. А.В. Тычинина и др. М., 2013. С. 240–241.

⁴⁷ Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Семен Романович Воронцов. Биография. С. 28.

⁴⁸ Там же. С. 34–35.

с Данией, С.Р. Воронцов добился у императора разрешения на службу в армии под командованием генерал-аншефа П.А. Румянцева⁴⁹.

Дворцовый переворот и приход к власти Екатерины II негативно повлияли на дальнейшую судьбу рода Воронцовых. Семья сохраняла лояльность прежнему монарху. Отец Семена, Роман, был сослан в Москву и лишен значительной части владений. Сестра Елизавета была временно помещена под домашний арест. Императрица отправила в отставку и дядю, канцлера Михаила Илларионовича⁵⁰. В сложившихся условиях Семен Романович хотел покинуть службу. Михаил Илларионович воспрепятствовал реализации намерений своего племянника и помог ему устроиться советником посольства в Вене в 1764 г. Посланник Д.М. Голицын должен был оказывать покровительство С.Р. Воронцову⁵¹.

Во второй половине 1760-х гг. граф не занимал государственных должностей⁵². Смерть Михаила Илларионовича в 1767 г. мотивировала С.Р. Воронцова переехать из Москвы в Петербург⁵³. Начало Русско-турецкой войны 1768 г. побудило Семена Романовича, исходя из личных и гражданских убеждений, поступить на военную службу⁵⁴.

В период боевых действий с 1768 по 1774 г. С.Р. Воронцов служил под командованием П.А. Румянцева и закончил боевые действия в чине генерал-поручика. Граф был одним из переводчиков текста мирного договора на итальянский язык⁵⁵. В 1777 г. им был составлен для П.В. Завадовского, кабинет-секретаря Екатерины II, детальный доклад, в котором освещалась помощь русскому флоту венецианским аристократом греческого происхождения Д. Мочениго в период Архипелагской экспедиции⁵⁶.

В 1778 г. С.Р. Воронцов вернулся в Петербург. Он находился в отставке до 1782 г.⁵⁷ А.А. Безбородко, по поручению Екатерины II, убедил графа

⁴⁹ Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. С. 16.

⁵⁰ Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Семен Романович Воронцов. Биография. С. 38.

⁵¹ Там же С. 41; Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. С. 20; Родина Т.А. Воронцов Семен Романович // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2023). URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1929316 (Дата обращения: 03.09.2025).

⁵² Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. С. 21.

⁵³ Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. Семен Романович Воронцов. Биография. С. 50.

⁵⁴ Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. С. 24.

⁵⁵ Там же. С. 30.

⁵⁶ Пряшников М.П. С.Р. Воронцов в Венеции: начало дипломатической карьеры. С. 119.

⁵⁷ Захарова О.Ю. Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова. С. 33.

принять назначение на должность российского представителя в Венеции⁵⁸. Определение С.Р. Воронцова вместо П. Маруцци посланником в республике могло объясняться следующей причиной. Военные успехи России 1770-х гг. и путешествие великого князя Павла Петровича в Италию повысили приоритетность формирования долгосрочных связей с Венецией. Для демонстрации особой значимости данных дипломатических отношений требовалось представительство наиболее родовитых аристократов⁵⁹. В придворной среде самым подготовленным для данной миссии был С.Р. Воронцов, понимавший специфику политической жизни республики. Граф А.А. Безбородко в письме Семену Романовичу подчеркивал: «<...> требует и с ее стороны [Екатерины II] наименования туда особы знатной породой и отменных способностей <...>»⁶⁰.

Начало дипломатической службы С.Р. Воронцова в Венеции было осложнено различиями в протокольных (церемониальных) традициях двух стран. Соблюдение церемониала во многом отражало глубину и содержание двусторонних отношений. В инструкции подчеркивались требования, согласно которым должны были принимать в республике С.Р. Воронцова: «<...> [договориться] о пристойных терминах церемониала, которому не следует быть одинаковым ни с послами, ни с резидентами, но среднего между сими двумя качествами»⁶¹. В тексте отмечалось, что если в республике не было норм для приема посланника второго ранга, то «новый для встречи и приема его [Воронцова] обряд учрежден был»⁶². Строгий контроль исполнения церемониала был связан с поддержанием государственного престижа. Соблюдение данных правил принимающей стороной демонстрировало степень уважения к представителю другого государства.

Дипломат отмечал в письме от 4 октября 1783 г., что в республике для него в отношении церемониала употребили «отличия, кои мне будто бы оказывают, суть совершенно призрачные»⁶³. Он бы хотел добиться церемониала, соответствующего своему чину и достоинству двора, его назначившего.

⁵⁸ *Прышников* М.П. С.Р. Воронцов в Венеции: начало дипломатической карьеры. С. 117–121, 131–132.

⁵⁹ История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). С. 253.

⁶⁰ Архив князя Воронцова. Кн. XIII. М., 1879. С. 28.

⁶¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 5.

⁶² Там же. Л. 6.

⁶³ Там же. Д. 115. Л. 2–4.

В другом письме от 28 ноября Воронцов подчеркивал: «<...> что касательно до меня, если, давая мне только Lei [«Вы» по-итальянски], как они полагают, считая, что сие должно отличить меня от резидентов, не прибавлять в продолжение их ответов разных учтивых выражений, которыми сколь щедры они с послами, столь скупы с резидентами, я не почту себя отличенным должно»⁶⁴.

Главные же особенности заключались в том, что послам в сравнении с резидентами предоставлялись неприкосновенность на дом и два соседних от него, а также право посещения лож в ведущих театрах. В письме от января 1784 г. к А.А. Безбородко министр подчеркивал: «<...> ибо здешнее правление, конечно, могло бы мне дать дом без ложки или ложки без домов. Но наравне с послами поелику и у нас посланники сие имеют в том же ряду, где и послы, или один дом и ложки во втором этаже»⁶⁵. Воронцов воздержался от официальной аккредитации, ожидая инструкций и уточнений из Петербурга по поводу высказанных замечаний⁶⁶.

Ф. Фоскари в письме от 12 ноября 1783 г. упоминал, что граф И.А. Остерман изложил сходные претензии. Венецианский представитель отвечал, что сразу после первого запроса были приняты соответствующие меры. Дипломат добавил, что Воронцову были даже предоставлены отличия, не свойственные принятой практике. Требование лож и неприкосновенности зданий распространялось только на послов, но не полномочных министров. Несмотря на разъяснения, граф Остерман настаивал, чтобы в знак доброй взаимности и дружбы просьба была удовлетворена⁶⁷.

В послании от 28 ноября 1783 г. Воронцов отмечал, что отказывался принимать ответы венецианцев, «где вместо *Sa majesté impériale* [Ее императорское величество] неоднократно писано было *la Zara* [Царица]». Он подчеркивал: «Ответы на предложения столь великого двора заслуживают наиважнейшего внимания»⁶⁸.

С.Р. Воронцов указывал на несоответствие своего статуса и церемониала до января 1784 г. В реляции к А.А. Безбородко он отмечал, что, получив некоторые отличия, им была подана кредитивная грамота. Министр считал данные привилегии недостаточными. Объяснения отсутствия различий между ложами первого и среднего ярусов представлялись ему неубедительными. Воронцов полагал, что в Венеции бессмыс-

⁶⁴ Там же. Л. 21.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 128. Л. 2.

⁶⁶ Там же. 1783 г. Д. 115. Л. 4.

⁶⁷ *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790*. P. 10–12.

⁶⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 115. Л. 21.

ленно держать полномочного министра и будет достаточно присутствие резидента⁶⁹. В феврале 1784 г. Фоскари разъяснил графу Остерману детали вопроса о ложах⁷⁰. И.А. Остерман в депеше Воронцову объяснял, что правительство республики было бы радо пойти на уступки, «если б не опасалось, что дачею вашему сиятельству ложи в первом ярусе, где отводятся оныя одним послам, сие последние сочтут себя обиженными и сравненными совершенно с министрами второй степени»⁷¹.

Проблемы дипломатического церемониала и формы обращения к монархам и их представителям демонстрировали степень взаимного уважения сторон и признания внешнеполитического престижа государства. Понимая значение данных аспектов для двусторонних отношений, С.Р. Воронцов отмечал в реляции от 12 января 1784 г., что Екатерине II было безразлично, какую из привилегий выберут в Сенате — неприкосновенность домов или ложи. Императрица считала важным, чтобы отчетливо демонстрировались различия между статусом посланника и резидента. Дипломат также подчеркивал весомость данного принципа и в отношении употребления титулов⁷². Политика России в области церемониала отражала общее стремление к доминированию в двусторонних отношениях. Факторы давления и международного влияния становились инструментами для навязывания союза. Политическая элита Венеции, опасаясь конфликтов как с Россией, так и другими великими державами, не имела возможности прямого отказа и была вынуждена давать деликатные ответы и гибко лавировать. Республика делала незначительные уступки, придерживаясь в главных вопросах принципа нейтралитета. В Коллегии иностранных дел понимали умонастроения элиты Венеции и воздерживались от дальнейших дискуссий, соглашаясь на компромиссы. В реляции от 10 апреля 1784 г. С.Р. Воронцов писал, что, получив разъяснения из Петербурга, он примет ложи во втором ярусе в венецианских театрах⁷³.

Деятельность посланника Венеции в Российской империи Фериго Фоскари подтверждает данное наблюдение. Дипломат в депеше от октября 1783 г. подчеркивал необходимость неторопливого и детального анализа экономических реалий государства⁷⁴. Позиция Ф. Фоскари демон-

⁶⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 128. Л. 1, 2, 3.

⁷⁰ *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790*. P. 22–25.

⁷¹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 131. Л. 3.

⁷² Там же. Д. 127. Л. 4.

⁷³ Там же. Л. 56.

⁷⁴ *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790*. P. 9–10.

стрирует, что отдельные представители республики и в целом правящая элита не стремились к сближению с Петербургом и занимали выжидательную позицию. Тем не менее он передавал в Венецию сведения о богатствах и изобилии в империи⁷⁵. В депеше, направленной уже в октябре 1784 г., Ф. Фоскари после описания экономического развития государства констатировал: «<...> делают теперь крайне настоятельным важное признание этой самой внутренней мощи»⁷⁶. Посланник республики не отмечал потенциал торговых контактов, а указывал на могущество России. Средоточие внимания именно на силе и влиянии государства отражало скорее страх и озабоченность венецианца из-за усиления новой империи. Члены Коллегии иностранных дел учитывали данную тенденцию. В инструкции С.Р. Воронцову отмечалось, что черноморская торговля России может успешно развиваться и без участия Венеции. Кроме того, в тексте подчеркивалась непоследовательность правительства республики. Сначала представители Венеции в Париже, Гааге и Лондоне предлагали российской стороне возобновить обсуждения торгового трактата, но потом сами и отказывались от диалога, опасаясь Турции и других держав⁷⁷.

Ф. Фоскари связывал государственное развитие России с деятельностью императрицы и ее сподвижников⁷⁸. Дипломат обращал внимание на модернизацию флота и армии⁷⁹. Венецианский представитель отмечал, что среди как моряков, так и обслуживающего персонала присутствует значительное число иностранцев⁸⁰. Тем не менее власти готовили и национальные кадры. Ф. Фоскари хвалил мудрое решение Екатерины II о расширении инженерно-кадетского корпуса, отмечая создание в то же время и других военно-образовательных учреждений в столице⁸¹. Описание дипломата позволяет заключить, что Екатерина II стремилась к достижению автономии в подготовке военных и морских специалистов, создавая соответствующую для их обучения материальную базу.

Венецианский посланник в своих депешах освещал и вопросы внешней политики. Фоскари подчеркивал, что публикация декларации о «вооруженном нейтралитете» повысила международное влияние России⁸².

⁷⁵ Ibid. P. 9–10, 43–45.

⁷⁶ Ibid. 41–43.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 12.

⁷⁸ *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790.* P. 43–45.

⁷⁹ Ibid. P. 45–47.

⁸⁰ Ibid.

⁸¹ Ibid. P. 29–31.

⁸² Ibid. P. 43–45.

Представитель республики фиксировал изменения и в дипломатических контактах Петербурга и Стамбула⁸³. Анализ внешней политики Российской империи в данном направлении позволял определить изменения в черноморском и средиземноморском регионах. Аристократия Венеции, придерживавшаяся принципа невмешательства и отказа от союзов, оценивала риски сохранения баланса сил в Европе.

Депеша Фоскари, направленная в Сенат в июле 1784 г., демонстрирует адаптивность венецианской внешней политики. Посланник указывал, что он довел до сведения Коллегии иностранных дел информацию о помиловании графа Дмитрия Мочениго и возможности беспрепятственно посещать республику⁸⁴. Венецианские инстанции приговорили графа с острова Закинф к изгнанию из-за его неповиновения приказам. Мочениго, игнорируя распоряжения местной администрации, оказывал поддержку русской эскадре, находившейся в Адриатическом море в период русско-турецкой войны⁸⁵. Фоскари подчеркивал, что стремление властей республики к справедливости и настойчивые ходатайства Екатерины II стали основаниями для вынесения данного решения⁸⁶. Правительство республики демонстрировало, что оно идет на уступки более сильной державе, стремясь поддерживать с ней хорошие отношения.

Обращение к материалам, касающимся Мочениго, позволяет исследовать реалии отношений Петербурга и Венеции. С.Р. Воронцов в депеше от 9 июня 1784 г. отмечал, что направлял мемориал в Сенат республики, но в течение двух месяцев так и не получил ответа. Дипломат указывал, что был вынужден подать новое ходатайство, подчеркивая: «<...> я почитаю сие неблагопристойным со стороны ее [республики] и непочтительным пред Ее Императорским Величеством»⁸⁷. В реляции от 16 июня посланник отмечал, что прокуратор Контарини вел долгую дискуссию с сенатором Ривой, добиваясь оправдания Мочениго. В итоге совещание проголосовало за помилование, соглашаясь с требованиями императрицы. Граф писал о противниках данного решения: «Возражающий [Рива] остался в посмеянии, как он то и заслуживал, были еще двое кои объявили, что будут спорить против требования России, но не смели и слова молвить по достойной неудаче Ривы, одним словом, кроме его и ему подобных, все наипочетнейшие члены сего правления непременно

⁸³ Ibid. P. 14–17, 18–22, 54–55.

⁸⁴ Ibid. P. 36.

⁸⁵ Архив князя Воронцова. Кн. XVI. М., 1879. С. 160–162.

⁸⁶ Disparci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790. P. 36–37.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 127. Л. 114.

усердствовали счастливому окончанию сего дела»⁸⁸. В ответе Сената Венеции на мемориал С.Р. Воронцова указывалось, что настойчивые просьбы Екатерины II были учтены в связи с особым расположением республики и желанием подчеркнуть свое дружеские отношения⁸⁹.

В России понимали, что декларации доброжелательности являлись неоднозначными. С одной стороны, сенаторы соглашались на компромиссы, но с другой — приходилось прикладывать значительные усилия для отстаивания своих интересов. В Коллегии иностранных дел учитывали поддержку части политиков, отстаивавших идею укрепления связей с Россией, но при этом фиксировали неустойчивость и внутренние противоречия в среде венецианской аристократии.

В депешах С.Р. Воронцова к А.А. Безбородко за период с июня по июль 1784 г. отражались примеры доброжелательного восприятия российской политики сенаторами. Влиятельные венецианские аристократы дали рекомендации посланнику, касавшиеся защиты интересов греческого населения в республике. Они советовали графу при подаче рекредитива непременно сослаться на волю императрицы, выразив ее пожелание о «сохранении спокойствия и духовной независимости своих единоверцев»⁹⁰. Дипломат констатировал: «Я с удивлением и радостью вижу, что важнейшие члены столь недоверчивого правления сами неосторожно предлагают нам способ привязать к себе несколько сот тысяч своих подданных»⁹¹. В инструкции С.Р. Воронцову также предписывалось защищать интересы православного населения в Венеции⁹². Петербургские сановники и их представители считали поддержку греческого населения стратегически важным фактором с учетом возможного военного конфликта с Османской империей.

В следующей реляции С.Р. Воронцов описывал А.А. Безбородко несправедливость венецианской администрации в отношении еще одного знатного грека, приверженного России, — господина Бенаки. Он также был арестован и лишен имущества. Граф подчеркивал, что эффективное достижение целей в условиях венецианской политической специфики возможно исключительно посредством давления и принуждения⁹³. Согласно наблюдениям дипломата, венецианская политическая элита оказывала почтение лишь тем государствам, которые, имея силу, владели

⁸⁸ Там же. Л. 129–130.

⁸⁹ Там же. Л. 134–135.

⁹⁰ Там же. Д. 128. Л. 26, 27.

⁹¹ Там же.

⁹² АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1783 г. Д. 17. Л. 13.

⁹³ Там же. 1784 г. Д. 128. Л. 30.

и искусством угроз и убеждения⁹⁴. С.Р. Воронцов приходил к выводу, что именно могущество и степень влияния являются первостепенными факторами выстраивания отношений с республикой.

Анализируя ситуацию, касающуюся Венеции, в своей заключительной реляции, посланник констатировал зависимость решений политиков от влияния венского двора. Опасность прямого столкновения с Австрийской монархией рассматривалась как главный риск для суверенитета республики⁹⁵. Нобилитет ненавидел и Францию, тем не менее аристократы рассматривали Париж как возможного партнера, скрыто враждующего с Габсбургами. Опасность столкновения с Веной не позволяла заключить с Версалем какого-либо соглашения. Войска из Франции в случае конфликта могли не успеть добраться до лагуны⁹⁶. В связи с этим венецианские нобили отвергали политический курс, предполагавший ограничение активности России в Адриатическом регионе, который навязывался Парижем⁹⁷. Сближение Венеции с одной из великих держав таило опасность открытой конфронтации с другой и угрожало разрушением сложившейся системы дипломатического равновесия, основанной на нейтралитете. В Коллегии иностранных дел стремились воспользоваться имеющимися противоречиями для реализации антитурецкой стратегии. Политическая элита Венеции в основном негативно оценивала интенции Российской империи и опасалась краха хрупкой республиканской структуры⁹⁸.

Посланник отмечал, что не все первые лица государства были настроены против России. Прокуратор собора Святого Марка Марк Морозини, имевший авторитет в Венеции, отстаивал в Сенате идею тесного сотрудничества с Петербургом. Его политическим оппонентом выступал прокуратор Андреа Трон, определявший внешнеполитический курс Республики⁹⁹. Если Морозини предлагал еще до русско-турецкой войны (1768–1774) содействовать России, то Трон стремился сохранять хорошие отношения с Веной, которая тогда противостояла Петербургу. Сенат поддержал позицию Трона, опасаясь недовольства Австрийской монархии, тесно граничившей с республикой. С.Р. Воронцов отмечал, что Морозини, несмотря на поражение, продолжал придерживаться курса на российско-

⁹⁴ Там же. Л. 31.

⁹⁵ Там же. Л. 38.

⁹⁶ Там же. Л. 39.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ La Repubblica di Venezia nell'età moderna. Dal 1517 alla fine della Repubblica. P. 585.

венецианское сближение¹⁰⁰. Граф также в одной из депеш указывал, что прокуратор Морозини поддерживал декларацию о «вооруженном нейтралитете», отмечая важность данного проекта для народов мореплавателей¹⁰¹. Дипломат обращал внимание на фракционность в среде высшего патрициата Венеции. Разобщенность венецианской правящей элиты по вопросам внешней политики формировала предпосылки для эффективного продвижения Российской империей своих политических интересов.

История отношений России и Венеции насчитывала не одно столетие. Тем не менее установление полноформатных дипломатических отношений с взаимной аккредитацией постоянных представителей состоялось лишь в 1780-х гг. Формирование систематических контактов задерживалось из-за эпизодического характера политического и экономического взаимодействия государств. Проблемы в Центральной и Северной Европе не давали возможности Петербургу сконцентрировать достаточное внимание и силы на южном направлении. Утверждение «Петербургской международной системы» в результате успешной русско-турецкой войны (1768–1774) позволило России расширить сферу своих интересов до Средиземного моря и, в частности, Адриатического. Реализация геополитических интересов в условиях соперничества с Османской империей, Французской и Австрийской монархиями обуславливала необходимость выстраивания союзнических отношений с независимыми государствами в регионе. Согласие Венеции обменяться посольствами оценивалось русским двором как основа для потенциального военно-политического альянса. Россия одновременно хотела сотрудничать и с элитой республики, и с ее греческим населением, решая свои стратегические задачи в противостоянии с Портой. Правящая элита Венецианской республики, озабоченная растущим влиянием Российской империи и потенциальными угрозами со стороны сопредельных государств, направляла усилия на сохранение существующего порядка и удержание контроля над колониальными владениями. Греки же добивались религиозной автономии и политической независимости.

Российская империя вынашивала амбициозные проекты в начале 1780-х гг. по созданию союза с некогда великой морской державой — Венецианской республикой. Приоритетной задачей имперских властей являлось создание военно-морских баз в Адриатическом море и обеспечение их эффективного функционирования для противостояния турецкому влиянию. В Петербурге предполагали убедить политическую элиту

¹⁰⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Венецией. Оп. 41/3. 1784 г. Д. 128. Л. 39.

¹⁰¹ Там же. Д. 127. Л. 47.

восстановить прежнее величие, опираясь на военно-политическую мощь России. Установление прямых двусторонних дипломатических контактов рассматривалось в качестве условия для успешной реализации данного проекта. Часть венецианской аристократии поддерживала перспективы совместного взаимодействия и сотрудничества. Преобладающая часть сенаторов придерживалась внешнеполитической стратегии, которая предполагала либо формирование альянсов с монархией Габсбургов или Францией, либо строгое соблюдение принципов нейтралитета. Прева-лирование данных позиций в среде венецианских политиков свидетельствовало о том, что внешнеполитические амбиции Российской империи являются малореализуемыми в сложившихся политических реалиях.

Благодарности

Выражаю благодарность всем коллегам из центра «Россия в международных отношениях» ИРИ РАН за ценные советы и замечания во время подготовки статьи.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Анисимов М.Ю. *Российская дипломатия и Семилетняя война*. М.: Академический проект, 2020. 885 с.
Anisimov M.Yu. *Russian diplomacy and the Seven Years' War*. Moscow: Akademicheskij proekt, 2020. 885 p. (in Russ.).
2. Берти Д. *Россия и итальянские государства в период Рисорджименто*. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 746 с.
Berti D. *Russia and the Italian States in the Risorgimento period*. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1959. 746 p. (in Russ.).
3. Велижев М.Б. Итальянские государства и Россия в годы русско-ту-рецкой войны 1768–1774 гг.: дипломатия и политика, в: *Россия в Сре-*

диземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Общ. ред.: Е.Б. Смилянская. М.: Индрик, 2011. С. 219–282.

Velizhev M.B. The Italian States and Russia in the period of the Russo-Turkish War (1768–1774): Diplomacy and politics, in: *Russia in the Mediterranean. The Archipelago expedition of Catherine the Great* / Ed. by E.B. Smilyanskaya. Moscow: Indrik, 2011. P. 219–282 (in Russ.).

4. Воронцов-Дашков А.И., Микешин М.И. *Семён Романович Воронцов. Биография*. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей; Политехника Сервис, 2020. 446 с.

Vorontsov-Dashkov A.I., Mikeshin M.I. *Semyon Romanovich Vorontsov. Biography*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy tsentr istorii idey; Politekhnik Servis, 2020. 446 p. (in Russ.).

5. *Всемирная история. Т. 4: Мир в XVIII веке* / Отв. ред.: С.Я. Карп. М.: Наука, 2013. 787 с.

World history. Vol. 4: The World in the 18th century / Ed. by S.Ya. Karp. Moscow: Nauka, 2013. 787 p. (in Russ.).

6. Гребенщикова Г.А. Россия в системе международных отношений во второй половине XVIII в., в: *От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века*. СПб.: ЦГИ Принт, 2015. С. 143–179.

Grebenshchikova G.A. Russia in the system of international relations in the second half of the 18th century, in: *From tsardom to empire. Russia in the systems of international relations. The second half of the 16th – beginning of the 20th century*. St. Petersburg: TsGI Print, 2015. P. 143–179 (in Russ.).

7. Гребенщикова Г.А. Россия на Тешенском конгрессе 1778–1779 годов, в: *Россия на международных форумах и конгрессах XVII – начало XX века* / Отв. ред.: А.В. Виноградов. М.: Международные отношения, 2021. С. 182–221.

Grebenshchikova G.A. Russia at the Teschen Congress of 1778–1779, in: *Russia at international forums and congresses of the 17th – beginning of the 20th century* / Ed. by A.V. Vinogradov. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2021. P. 182–221 (in Russ.).

8. *Дипломатический словарь* / Гл. ред.: А.А. Громько и др. М.: Наука, 1985. Т. 1. 424 с.

Diplomatic dictionary / Ed. by A.A. Gromyko et al. Moscow: Nauka, 1985. Vol. 1. 424 p. (in Russ.).

9. Захарова О.Ю. *Жизнь и дипломатическая деятельность графа С.Р. Воронцова*. М.: Центрполиграф, 2013. 188 с.

- Zakharova O.Yu. *Life and diplomatic activities of Count S.R. Vorontsov*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2013. 188 p. (in Russ.).
10. *История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона)*. М.: Международные отношения, 1998. 304 с.
History of Russian foreign policy. 18th century (from the Great Northern War to Russia's wars against Napoleon). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. 304 p. (in Russ.).
11. Канделоро Д. *История современной Италии*. Т. 1. Истоки Рисорджименто. 1770–1815 / Пер. с итал.: Т.С. Золочевская и др. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 522 с.
Candeloro D. *The history of modern Italy*. Vol. 1. *The History of the Risorgimento. 1770–1815* / Transl. from Ital. by T.S. Zolochevskaya et al. Moscow: Publishing house of foreign literature, 1958. 522 p. (in Russ.).
12. Лейн Ф. *Золотой век Венецианской республики* / Пер. с англ.: Л.А. Игоревский. М.: Центрполиграф, 2017. 607 с.
Lane F. *The Golden Age of the Republic of Venice* / Transl. from Eng. by L.A. Igorevsky. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. 607 p. (in Russ.).
13. Матасова Т.А. Русские посланники в Венеции на рубеже XV–XVI столетий (по известиям Марино Сануто). *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2013;(2):64–74.
Matasova T.A. Russian envoys in Venice at the turn of the 15th–16th centuries (according to Marino Sanuto). *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2013;(2):64–74 (in Russ.).
14. Министр, в: *Словарь Академии российской*. Ч. IV. СПб., 1793. С. 139.
Minister, in: *Dictionary of the Russian Academy of Sciences*. Part IV. St. Petersburg, 1793. P. 139 (in Russ.).
15. Петрова М.А. *Екатерина II и Иосиф II: формирование российско-австрийского союза, 1780–1790*. М.: Наука, 2011. 419 с.
Petrova M.A. *Catherine II and Joseph II: Formation of the Russian-Austrian Union, 1780–1790*. Moscow: Nauka, 2011. 419 p. (in Russ.).
16. Пряшников М.П. С.Р. Воронцов в Венеции: начало дипломатической карьеры. *Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества*. 2012;(15):117–133.
Pryashnikova M.P. S.R. Vorontsov in Venice: The beginning of a diplomatic career. *Vorontsovy — dva veka v istorii Rossii. Trudy Vorontsovskogo obshchestva*. 2012;15:117–133 (in Russ.).

17. Родина Т.А. Воронцов Семён Романович, в: *Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2023)*. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1929316
Rodina T.A. Vorontsov Semyon Romanovich, in: *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. Elektronnaya versiya (2023)*. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1929316 (in Russ.).
18. Смилянская Е.Б. Заключение, в: *Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Общ. ред.: Е.Б. Смилянская*. М.: Индрик, 2011. С. 477–482.
Smilyanskaya E.B. Conclusion, in: *Russia in the Mediterranean. The Archipelago expedition of Catherine the Great / Ed. by E.B. Smilyanskaya*. Moscow: Indrik, 2011. P. 477–482 (in Russ.).
19. Стегний П.В. Еще раз о греческом проекте Екатерины II. Новые документы из АВПРИ МИД России. *Новая и новейшая история*. 2002;(4):112–118.
Stegniy P.V. Once again about the Greek project of Catherine II. New documents from the AVPRI of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2002;(4):112–118 (in Russ.).
20. Уляницкий В.А. *Русские консульства за границей в XVIII в.: Ч. 1*. М.: Тип. Г. Лиснера и А. Гешеля, 1899. 1552 с.
Ulyanitsky V.A. *Russian consulates abroad in the 18th century: Part 1*. Moscow: Printing house of G. Lissner and A. Geschel, 1899. 1552 p. (in Russ.).
21. Фадеева Т.М. Греческий проект в лицах: маркиз П. Маруцци, княжна З. Гика, братья А.Г. и Ф.Г. Орловы в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., в: *Е.Р. Дашкова в кругу современников: исторические личности и эпоха / Ред.: Л.В. Тычинина и др.* М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2013. С. 237–251.
Fadееva T.M. Greek project in the faces: Marquis P. Maruzzi, Princess Z. Gika, brothers A.G. and F.G. Orlov in the Russian-Turkish war of 1768–1774, in: *E.R. Dashkova in the circle of contemporaries: Historical figures and epoch / Ed. by L.V. Tychinina et al.* Moscow: MGI im. E.R. Dashkovoy, 2013. P. 237–251 (in Russ.).
22. Черкасов П.П. *Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения, 1774–1792*. М.: Наука, 2004. 528 с.
Cherkasov P.P. *Catherine II and Louis XVI. Russian-French relations, 1774–1792*. Moscow: Nauka, 2004. 528 p. (in Russ.).
23. Ястребов А.О. Венецианское направление внешней политики Петра I и Прутский поход. *Вестник МГИМО-Университета*. 2021;14(6):172–190.

- Yastrebov A.O. Venetian direction of Peter I's foreign policy and the Prut campaign. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2021;14(6):172–190. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-6-81-172-190>
24. *Dispacci da Pietroburgo di Ferigo Foscari, 1783–1790* / Ed. G. Doria. Venezia: La Malcontenta, 1993. 251 p.
Dispatches from Petersburg by Ferigo Foscari, 1783–1790 / Ed. by G. Doria. Venice: La Malcontenta, 1993. 251 p. (in Ital.).
25. *La Repubblica di Venezia nell'età moderna. Dal 1517 alla fine della Repubblica* / Ed. G. Cozzi, M. Knapton. Torino: UTET, 1992. 695 p.
The Republic of Venice in the modern age. From 1517 to the end of the Republic / Ed. by G. Cozzi, M. Knapton. Turin: UTET, 1992. 695 p. (in Ital.).
26. Longworth P. Russian-Venetian relations in the reign of Tsar Aleksey Mikhailovich. *The Slavonic and East European Review*. 1986:64(3):380–400.
27. Panciera W. *La Repubblica di Venezia nel Settecento*. Roma: Viella, 2014. 178 p.
Panciera W. *The Republic of Venice in the 18th century*. Rome: Viella, 2014. 178 p. (in Ital.).
28. Preto P. *Venezia e i Turchi*. Roma: Viella, 2013. 374 p.
Preto P. *Venice and the Turks*. Rome: Viella, 2013. 374 p. (in Ital.).
29. Tobacco G. *Andrea Tron e la crisi dell'aristocrazia senatoria a Venezia*. Seconda ed. Udine: Del Bianco, 1980. 229 p.
Tobacco G. *Andrea Tron and the crisis of the senatorial aristocracy in Venice*. 2nd ed. Udine: Del Bianco, 1980. 229 p. (in Ital.).

Дмитрий Игоревич Гоц
Dmitry I. Gots

кандидат исторических наук, младший
научный сотрудник центра «Россия
в международных отношениях»
Института российской истории
Российской академии наук

C.Sc. (History), Junior Research Associate,
Center «Russia in International Relations»,
Institute of Russian History, Russian
Academy of Sciences

Поступила в редакцию /
Received
10.09.2025

Поступила после
рецензирования /
Revised
12.11.2025

Принята к публикации /
Accepted
15.12.2025